

Валерий Мельников

Человек-Птица

Валерий Иванович Мельников

Человек-птица

Серия «Румбы фантастики»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48453416

*Человек-птица: Общественная ассоциация молодых музыкантов,
поэтов и прозаиков; Москва; 2019
ISBN 978-5-6043130-9-1*

Аннотация

Чтобы вырваться из оков рабства и стать свободными как птицы, несколько поколений рабов укрепляют свою волю и силы. А затем происходит невероятное чудо: одержимый потомок вольнодумцев, испытав все взлёты и падения в борьбе с пропастью рабства, стал человеком-птицей! Однако преодолели ли силы земного притяжения, человеческие страсти и узы любви для Птаха, который стал сверхъестественным, окрылённым существом, духом свободы и земным повелителем воли стихий, но остался человеком?

Содержание

От автора	5
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Валерий Мельников

Человек-птица

© Валерий Мельников, 2019

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов,
поэтов и прозаиков, 2019

От автора

Мельников Валерий Иванович

Родился 04 июля 1952 года.

В 1976 году окончил Высшее Военно-морское училище.

В 1970–1994 годах служил в ВМФ, МО СССР и МЧС.

С 1994 года – военный пенсионер.

С 1994 года занимаюсь консалтинговой деятельностью по вопросам создания социально-экономических систем и интеллектуальной собственности.

Автор социально-культурологических программ и творческих проектов.

С 2015 года – председатель Совета Автономной некоммерческой организации «Культурный центр “Русский Дом”».

Роман «Человек-птица» написан мной из стремления доказать и эпически показать, что в любые, даже самые тяжёлые времена и испытания, нужно собраться с силами, волей, разумом и духом, не сдаваться, бороться и побеждать, и в первую очередь – себя! Тогда ты будешь самым сильным, свободным и успешным!

Роман основан на неизбывной вере человечества в сверхъестественные силы, существа и божества, что находит своё подтверждение в современной научной обоснованности гипотетически возможных мутаций и способности человека летать, а соответственно – в реальности существования и фантастических приключений мифических человеко-птиц и

птицебогов, которые, как будет показано в бесконечных сюжетах данной многотомной эпопеи, из глубокой древности, через всю историю человечества, до настоящего времени живут среди нас, свободно, всесильно, всевластно и сверхъестественно парят над континентами, эпохами, земной и человеческой сущностью!

Вот только сам человек-птица при этом всё-таки остаётся человеком... В земных привязанностях и человеческих слабостях всемогущих героев и крылатых богов – величайшая загадка и разгадка многих описанных в романе интриг истории человечества, о тайнствах, сути которых и их всевидении с высоты поднебесья и веков впервые расскажет человек-птица.

Удивляешься, глядя в глаза, слушая и читая произведения этого писателя, сколько увидеть, познать и испытать в своей жизни нужно человеку, чтобы с такой мудростью, любовью и искренностью открывать читателям истоки их прошлого, сущность настоящего и суть будущего, вечного, заложенного в нас самих!

Друзья и сподвижники

На центральной площади доисторического поселения, перед парадным крыльцом своего дома стоит рабовладелец в окружении согнанных с работ и сочувственно стенающих рабов. Здесь происходит показательная порка сбежавшего накануне и только что пойманного раба. Надсмотрщики

нещадно бичуют молодого мужчину, который в перерывах между стонами толпы и ругательствами палачей кричит: «Я всё равно сбегу и буду свободным!»

Рабовладелец распоряжается продолжать и ужесточать наказание раба, назидательно устрашая остальных:

– Вы видите, что отсюда и от меня сбежать невысказанно и невозможно! Со стороны плато крепостная стена, которую не могут преодолеть даже кочевники, а с другой стороны – ущелье. Но даже если и убежишь, то тебя поймают другие рабовладельцы!

– Я растерзаю вас, деспоты!.. – яростно борется раб с надзирателями.

– Убьёшь одного рабовладельца – тебя схватит другой! Ещё раз напоминаю тебе, бунтарю, и твоим соплеменникам: мир поделён на рабов и рабовладельцев. Вы здесь и навсегда – рабы! И на свободу можете разве что улететь!

– Значит, улечу! – хрипит раб, на которого опять набрасываются надзиратели.

– Но только на тот свет! – смеётся рабовладелец. – И если духу хватит! – замахивается он бичом на сгрудившихся от страха рабов. – То-то же, смотрите у меня!

И надзиратели, обдав водой бесчувственное от побоев тело беглеца, разгоняют остальную толпу на работы.

Через некоторое время неугомонный беглый раб в очередной раз обследует внутреннюю сторону крепостной стены, изыскивая возможности для побега. Но ничего, кроме

очередных побоев от охранников и убеждённости в невозможности преодолеть эту преграду, он не получает. А потому с тоской бродит вдоль обрыва над ущельем, совсем рядом за которым простираются безграничные просторы свободы, единственным и, увы, непреодолимым препятствием к обретению которой являются крутизна и глубина природной пропасти, разделяющей его со свободой.

– С одной стороны люди, с другой – природа держат меня в рабстве! – сокрушается про себя раб. Но злость человеческая, которую не одолеешь, гораздо страшнее препятствий природы, которые всё-таки можно преодолеть. Более того, набравшемуся сил и ума она даже предоставляет свои возможности вырваться из этого плена!

Он присматривает участок обрыва, где, сковырнув сверху несколько камней, по образовавшемуся уступу можно начать спускаться с него. А сброшенные вниз, эти камни создают ещё одну ступеньку, с которой уже можно продолжать дальнейшее устройство спасительной тропы.

Однако, когда в туманной предутренней мгле раб, держась за верёвку, начал свой скалолазный побег, его тут же в очередной раз хватают и жестоко секут надзиратели, подтягивая к себе за верёвку. А он, извиваясь, хватается за камни и кричит:

– Не дамся! Лучше я улечу в пропасть и убоюсь!

Тогда стражники сверху набрасывают на него ещё одну верёвку с удавкой. И теперь беглец не может ни отпустить

верёвку, ни уклониться от ударов бичами надзирателей. А они сверху злобно хохочут над ним:

– Добегался? Теперь бить будем, пока не полетишь!

Избитого надсмотрщиками и израненного о скалы раба затем выхаживают жена и детишки, причитая о несчастной его и своей доле:

– Что ж за судьба нам досталась? Мы от угнанных в неволю родителей родились в рабстве, а ты пришёл освободить нас, но сам стал рабом. И теперь они убьют тебя, и будет ещё хуже. Наши дети станут рабами-сиротами беглого раба!

– Не-ет! – хрипло отзывается раб в беспамятстве. – Я с дружиной шёл сюда карать грабителей! И гнал их по степи до самой Тавриды! Пока они – не в бою, а подло ранив, в солончаках, – не схватили меня. Но я освобожусь! Любым путём! И мы, со всей новгородской ратью и нашими богами, ещё придём сюда и освободим наши племена от набегов дикой орды!

И к вечеру, придя в себя, но обуреваемый уже внеземной яростью и жадой свободы, он тут же отправляет сынишку собирать птичьи перья и начинает вместе с ним сшивать их, конструируя крылья. Когда же стало возможным подниматься и двигаться, то он, вооружившись крыльями, приступает к тренировкам. Но, пытаясь взлететь, лишь падает, путаясь в них и кувыряясь в порывах ветра. Однако, не теряя надежды, он отчаянно пробует в крыльях спрыгнуть с крыши хижины. Тут его и заметил хозяин, когда он с криками и угро-

зами ему, что улетает, прыгает вниз. Где его поджидают и хватают надзиратели.

– Если невозможно убежать, я улечу, но всё равно освобожусь от ваших оков! Мой дух ненавидит рабство! – кричит нещадно избиваемый раб.

– В тебя вселился дух беглого раба! – делает свой вывод рабовладелец. – Я выпущу и изгоню его. Освобожу тебя от бесконечных пыток за попытку к бегству. А твоих детей и других рабов – от пагубности твоего примера и иллюзий освобождения! Снимай это облачение химеры! – приказывает он. А оглянувшись на стечение народа, выхватывает из ножен клинок, порываясь схватить отступающего от него раба и отрубить ему крылья.

Так, шаг за шагом, в схватке и яростных порывах своих душ смеющийся раб и захлёбывающийся от злости рабовладелец движутся по полю в сопровождении толпы рабов и надзирателей, ожидающих, когда с истечением сил противников их крылья, мечи и страсти улягутся на свои места.

Но вдруг раздаётся демонический хохот рабовладельца. И в наступившем от неожиданности оцепенении толпы вслед за этим следует хриплый надрывный вскрик раба, когда он, оглянувшись по направлению взгляда рабовладельца, видит за своей спиной разверзнутую пропасть ущелья. Раб пытается отскочить в сторону, чтобы стать боком, а не спиной к обрыву. Но рабовладелец, клинком вертикально рубя воздух по сторонам от него, лишь издевательски смеётся:

– Я же сказал: пасть к моим ногам или в пропасть!

И от своей участи ты, тварь, теперь не убежишь и не улетишь!

Раб, взмахами крыльев удерживаясь на краю обрыва, обречённо оглядывается на ущелье, но, с надеждой всмотревшись в лица собратьев, плюёт под ноги тирану:

– Природа дала мне волю к свободе! И пусть ещё не возросли силы, чтобы взлететь к ней, но я уже не раб, не тварь и ползать не буду!

– Будешь! Или лети. Ты свободен! – приставляет рабовладелец к его груди остриё клинка, глядя на который, раб, подбирая крылья, медленно приседает.

Рабовладелец, считая его поверженным, победоносно поднимает меч. Однако раб, собрав всю свою волю и силы, расправляет крылья, подпрыгивает и с победным взглядом ногой выбивает оружие из его руки. Сам же с криком: «Теперь я свободен! А ты безоружен против меня!» срывается в пропасть под стенания рабов, назидательный хохот надзирателей и нестерпимый крик его сынишки, бросившегося на спасение отца.

– Вот и освободились! Мы от него, а он от нас, – резюмирует рабовладелец. – Душа его отлетела в небеса, нечисть – в пропасть! А вы чего стоите?! – негодуяще оглядывает он толпу рабов. – Все за работу!

Эта трагедия стремления отца к свободе и передавшиеся от него воля и устремлённость к ней навсегда запали в душу его ребёнка, метавшегося и летавшего в своих снах. А когда он подрос, то начал, бегая и размахивая руками, как птицы, тренироваться летать. Мать запрещала, соплеменники сочувствовали ей и ему. Но посмеивались над мальчиком и даже считали, что он свихнулся после гибели родителя. А он твердил: «Отец собрал и передал мне всю свою волю. Теперь я должен набраться сил, чтобы летать и быть свободным!»

И тогда рабовладелец определяет его на изнуряющую, особенно в условиях их жаркого климата, работу по качанию мехов для нагнетания воздуха в кузнечный горн и печь обжига керамической мастерской. Здесь юноша, обрадовавшись, что работа с мехами напоминает движения крыльев птиц, и тренирует мышцы, дни напролёт взмахами рук качает меха. А по ночам он конструирует и изготавливает из подсобных материалов крылья, с которыми, пытаясь взлететь и кувыркаясь в порывах ветра, бегает по пустырю. Или ломает их и собственные рёбра, прыгая с крыши. Окружающие поражаются настойчивости юноши и передавшей ему от отца одержимости свободой. Но всё больше смеются и подтрунивают над его чудачествами.

С течением времени вместе с матерью уже и беременная жена сердито бранит и уговаривает его, ради неё и их будущих детей, прекратить издеваться над собой и быть посмешищем.

– Ты помешанный и сумасшедший! – кричит она ему.

– Я окрылённый и одержимый! – самоотверженно твердит он.

И только рабовладелец удовлетворительно похлопывает его по плечам во время тренировок с качанием мехов:

– Не ленись и трудись. Это послужит избавлению тебя от других мыслей и уроком другим, в безумстве освобождения от рабства. А главное – увеличению моих доходов!

* * *

Проходят годы. И уже его подрастающий сынишка помогает отцу ставить примочки и ремонтировать крылья после очередных неудачных экспериментов. А тот со злобной растерянностью ощупывает свои развитые, мощные мышцы и огромные крылья, причитая:

– Ну почему! Почему они не летят?

– Почему же? Птицы летают, – отвечает ребёнок.

– А я человек! Но чтобы быть свободным как птица, хочу, как они, летать!

– Для этого, наверное, нужно быть или стать птицей... – делает сынишка вывод из своих размышлений.

Таким образом, всё последующее время отец, накачивая мышцы, остервенело качает меха, а подрастающий юноша, подбираясь к птицам и спугивая их, наблюдает, как они взлетают. По ночам сын, препарируя тушки птиц, изучает строение мышц, сухожилий и устройство их тела, измеряя, делая пометки и рисунки на глиняных дощечках. А отец раз за разом конструирует, ломает и ремонтирует самодельные крылья. Сын вынужден прерывать свои занятия, чтобы после неудачных прыжков с крыши помогать ему подняться с земли и затаскивать израненного отца в жилище.

Однажды уже состарившийся отец начал задыхаться и, потеряв сознание, упал во время работы с мехами. Его приносят в хижину и кладут на лежанку. Но он, очнувшись ночью, упорно силясь, встаёт, надевает крылья и направляется к лестнице, ведущей на крышу. Но, едва держась на ногах и поднявшись лишь на несколько ступенек, взмахивает крыльями и со стоном падает вниз.

Не тревожа и не снимая с него крыльев, жена с детьми переносят его на лежанку, где подраненной птицей, мечась и летая в бреду, он пролежал до утра.

С восходом солнца, распределяя рабов на работы, к хижине со свитой надзирателей подходит рабовладелец. И застаёт раба, пытающегося встать с лежанки, но, словно птица с перебитыми крыльями, путавшегося в них. Завидев рабовладельца, он, оттолкнув домочадцев, старается горделиво приосаниться. Но являет собой зрелище беспомощной растрё-

панной птицы с бессильно повисшими крыльями и безутешным взглядом загнанного в угол раба, сокрушённого годами и несчастьями вождения свободы.

– Допрыгался?! – окидывает его взглядом хозяин. – Если раньше ты был смешон, то теперь – жалок! Бессмысленность твоей жизни делает её и тебя бесполезными. И теперь, когда ты непригоден для качания мехов, будешь, как и хотел, пугалом, распугивающим птиц в огороде!

Слёзы выступают на глазах свободолюбивого раба. Надзиратели, недоумённо пытаясь разгадать, не шутит ли хозяин, смеются: «А вдруг улетит?»

Но хозяин, осмотрев мастерски изготовленное чучело птицы и глиняные таблички, выходит прочь, поманив за собой не смеющего противиться сына раба. А надзиратели хватают человека-птицу под крылья и тащат его к новому месту работы.

Рабовладелец с юношей обходят владения.

– Ты, Птах, говорят, понял, что вместо того чтобы летать, лучше научиться считать и записывать счёт? – спрашивает его хозяин.

– Я понял и, учась считать, учусь учитывать то, что есть. Чтобы исходя из этого рассчитывать то, что будет или может быть, – отвечает он, сосредоточившись на своих мыслях и не замечая крайнего удивления хозяина.

– Куда это тебя понесло? Спустись на землю! – поворачивает он юношу к себе.

– Ах да, я здесь! – встрепенувшись, возвращается тот к земным мыслям. – Вот, к примеру, наблюдая за работой отца, я высчитал, что меха захватывают воздух и через узкую щель дуют его в горн. Но то же самое делает и ветер, создавая сквозняк. Нужно только создать ему пути и условия, чтобы он направлял свои силы на полезное дело. Тогда бы не нужны были и рабы. – Он смотрит на хозяина.

– Ну что ж, правильно! Лучше стоять на земле и своими помыслами служить мне, чем витать в облаках и ломать шею, – удовлетворённо похлопывает его рабовладелец. – Только чтобы ветер не гулял в голове и не кружил её, а шея была целее, нужно держать их в узде и ярме.

– Ярмо, сковывая силы природы и волю человека, делает их рабскими! – по-мальчишески искренне противоречит тот.

– Для того чтобы они не своевольничали и выполняли волю своего владыки, – оторопев от наивной прямолинейности, пытается пояснить хозяин.

– Но я подсчитал, что пользы от этого не будет, потому как лишённый воли ветер перестаёт быть ветром, а человек – человеком, и становятся пустыми мехами, с прикованными к ним безвольными рабами.

– Которые беспрекословно служат моей воле и обогащению! – уточняет рабовладелец.

– На качание и битие которых ваших сил уходит гораздо больше, чем если бы вы создали условия для их свободной

жизни на общую пользу. Ведь стихия ветра и человека рождены для свободы, и они всегда будут стремиться к ней, разрушая вашу власть и оковы, — своевольно и поражая собеседника, взлетает мысль юноши.

— Увы, даже если вас освободить, то вы всё равно станете рабами! — отмахивается от его свободомыслия рабовладелец.

— Почему? — не видит он причин этого.

— Потому, что для вас вовсе не значит стать свободным, оказавшись на свободе, где вас — бессильных, безоружных — тут же настигнет и наденет ярмо другой рабовладелец! — уже сердито ставит на место своего раба рабовладелец.

— Но почему? Почему мы не можем перестать быть рабами и стать свободными? — не унимается юноша в поиске истины.

— Потому, что мир и человечество состоят из хищников и их жертв. В котором вы обречены, а мы неотвратимы загонять вас в смерть или рабство. И ни нас, ни своей доли вам не избежать! — ещё более твёрдо приземляет он его мысли. — И не думай об этом!

— Дело в том, что я думаю не о том, как избежать, а как достичь истины. — размышляет юноша и тем самым обезоруживает злобность тирана. — Но в отличие от нас и нашего стремления к истинной свободе, тем, наверное, и счастливы птицы, что вольны и могут летать! — опять устремляется он своими мыслями ввысь.

— Чтобы освободиться от стихии и сил земли и человечества, нужно ещё суметь летать. Это даже не всем птицам

дано, а для нас, земных тварей, немислимо! – уже устав гоняться за мыслями юнца, пессимистически вздыхает рабовладелец.

– А я чувствую, что мои мысли летают...

– Да? То-то ты меня закружил! – с любопытством смотрит рабовладелец на юношу. – Значит, или ты по сравнению со своими предками поумнел, или в тебя тоже вселился крылатый дух! – ощупывает он его спину. – Крылья не растут? Хотя духи птиц безвредны. Мы либо его выпустим с обрыва, либо тебя тоже прикуём пугалом разгонять пернатых. Главное – с крыши не прыгай, чтобы раньше времени шею не свернуть. Умеющие считать рабы нам тоже нужны! – хохочет рабовладелец.

В это время раздаётся шум и смех на плантации. Это старый раб, размахивая крыльями, бежит по полю наперегонки с птицами и, поддразниваемый окружающими, кричит:

– Я свободен, я как птица!

– Перетопчет все грядки! – ловят его надзиратели.

– Приковать его! Пусть сходит с ума на цепи! – повелевает им рабовладелец.

И наступает тишина, нарушаемая лишь достигающими самого сердца собравшихся рабов гулками ударами молота по вбиваемому посреди поля колу и лязганьем готовящейся к заковыванию цепи.

– Ты бы хоть состарившись успокоился! – причитает его жена. – Тебе же ещё детей поднимать, а ты нас позоришь!

Какой пример сыну показываешь?

Содрогнувшись, лихорадочно посмотрев на кол посреди поля, на сына, стоящего рядом с рабовладельцем, на честившую его жену и толпу рабов, он направляется в их сторону под лязг цепи, которую, готовясь надеть на него, волочит следом надзиратель. Войдя в круг молча расступившейся с усмешкой и осуждающе глядящей на него толпы, раб, ещё раз оглянувшись, неожиданно горделиво, по-птичьи и по-человечески встряхивается на краю обрыва.

– Совсем сумасшедший! Кому и что он собирается доказать своим геройством? – понуро глядят на него рабы и гремят цепями надзиратели. – Остановись, сумасшедший!

– Неужели свобода тебе дороже не только нас, но и жизни? – визжит жена. – Сын, скажи хоть ты ему что-нибудь! – И взоры всех обращаются к юноше. Особенно пристально глядит на него рабовладелец.

– Отец! Ты не птица и не полетишь! – кричит ему сын.

– Да, я понял, что человеческой жизни и сил недостаточно, чтобы взлететь как птица. Но у меня достаточно силы воли, чтобы перестать быть рабом и хотя бы умереть свободным! – подняв крылья, останавливает он всех.

– Ты показываешь лишь, что освободиться от оков рабства можно только ценой своей жизни! – назирает рабовладелец.

– Я отдал свою жизнь за то, чтобы мой сын родился с душой, не искажённой рабством, а окрылённой свободой! Я не

сумел и не успел научить вас летать. Но заставлю распахнуть крылья свободы! – поворачивается раб к обрыву, взмахивает крыльями и, под вскрик ужаснувшейся толпы, бросается в пропасть.

– Какое горе!

– Отмучился!

– Какой славный конец бесславной рабской жизни! – толпясь у обрыва, восклицают собравшиеся.

– Вот и отлетел! – машет рукой рабовладелец. – Раб состарился, обезумел, и, чтобы не кормить немощного, проще дать ему свободу. А другим – урок! Чем заканчивается стремление к ней! – повелительно оглядывает он рабов, разгоняемых надзирателями на работы.

* * *

Проходит время, и уже возмужавший юноша руководит грандиозным строительством.

– Что же здесь будет: загон, цитадель или хранилище? – пожимают плечами надзиратели.

– Если ветер, гуляя сквозняком по этим коридорам, ещё и будет надувать кузнечный горн и керамические печи, то мы, избавляясь от рабского труда на мехах, не только настроим ему коридоров, но и сделаем их дворцом и украсим их, чтобы он, с удовольствием гуляя здесь, помогал нам! – впервые со смехом и радостью выстраивают сооружение рабы.

– Ну так что у тебя получается, покоритель воздуха? – смеясь, подходит и осматривает рабовладелец, как кузница и керамическая мастерская, обрастая стенами, превращаются в удивительное круглое сооружение с высоченными, открытыми снаружи входами, сужающимися и снижающимися к центру, где находится мастерская.

– Здесь раскрытые по направлениям преобладающих ветров забрала потоков и воздуха, который по улиткообразным сужающимся коридорам, закручиваясь и сжимаясь, со всей силы будет устремляться в горн и печи через эти узкие щели, – показывает и рассказывает ему юный конструктор, когда они проходят по лабиринтам сужающихся коридоров и входят в мастерскую.

– Ага. Ты ловишь и загоняешь ветер в загоны! – понимающе кивает хозяин. – Но теперь, обузданный, его нужно заставить работать! – берётся он и открывает заслонку воздуховода, проложенного под решётку с углями.

Со свистом хлынувший поток воздуха взметает и разметает по кузне пламя горна.

– Ах! – вскрикивает отброшенный в сторону рабовладелец. – Укроти его!

Юноша протягивает руку к струе воздуха, как бы поглаживая её, – и она ослабевает свой напор.

– Уже иссяк, – закрывает он заслонку.

– Ты колдун? Повелитель духов! – ошарашенно треплет рабовладелец обгоревшую бороду и испуганно тарашит на

него глаза.

– Я всего лишь зачарован духами ветров! – восторгается юноша. – Но они в небесах, а я здесь, и высчитал, что делает вообще и может делать полезного для нас ветер, если его и наши желания совпадают. Вот и сейчас ветер наполнил коридоры, которые, если бы были такими же широкими, как на входе, то он бы просто гулял по ним. Но я сузил их до вот этой щели, и ему, чтобы выйти из коридора, пришлось сжаться и выпрыгнуть в горн, когда открыли или вновь откроем заслонку.

– А-а... Так ты просто раб, который заманивает и выпускает ветер? – догадывается хозяин. – Тогда я вас с ветром обоих и заставлю здесь работать! А нет – закую в кандалы и цепи!

– Можно, но... – трёт лоб юноша.

– Никаких «но»! – угрожающе хохочет хозяин. – Открывай!

Раб открывает заслонку, и кузня опять наполняется вихрем огня.

– Ха-ха! – торжествующе беснуется в шквалах ветра и огня рабовладелец. – Я владыка ветра и огня!

Однако поток ветра и пламя горна опять ослабевают, и рабовладелец обмякает.

– Так ты всё-таки кудесник?! – затаив дыхание, смотрит он на своего юного раба.

– Нет. Хотя я высчитал, что через щель в горн вырывается

лишь воздух, загоняемый ветром в коридор, который заканчивается для него препятствием с узкой щелью, но на преодоление которого у воздуха без ветра сил не хватает, – поясняет юноша.

– Значит, у входа выставить рабов и загонять воздух! – находит решение хозяин.

– Сил не хватит! – останавливает его раб.

– У меня хватит сил заставлять работать на себя и рабов, и ветер! – угрожающе решает и эту проблему рабовладелец.

– Как же вы можете повелевать тем, что выше вас и само даёт вам жизнь? Ведь мы живём благодаря воздуху! – удивлённо смотрит на него юноша.

– Ха-ха! Так же, как я даю вам жизнь и управляю ею, чтобы вы делали всё необходимое для моей! – самодовольно замечает хозяин.

– Ха-ха! Я сделал ещё одно открытие! – вдохновенно оживляется юноша. – Я понял, почему понимаю ветер!

– Что ты ещё такое понял? – настораживается хозяин.

– Он для меня не раб, а друг! И мы живём друг для друга!

– А... Ну да, друзья... И оба мои рабы! Один прикован, а другой обуздан мною! – успокаивается рабовладелец.

– Нет! Ветер управляет воздушной стихией и никогда не будет обуздан! А ты загнал в меха воздух – и он, как и раб безвольного ветра, подневольно делает лишь то, что заставляют, а не то, что мог бы и хотел, – показывает он на едва струящийся через щель воздух и огонь в горне.

– Хм... – отягощённым раздумьями взглядом глядит на раба и его друзей рабовладелец. – А почему же когда закроешь... – закрывает он заслонку, прислушиваясь к происходящему внутри шипению, через щели и украдкой глядя на своего необычного раба, – а потом откроешь... – открывает он заслонку и отскакивает в сторону от взметнувшегося в потоке воздуха пламя горна. – ...он бушует?

– Воздушная, как и человеческая, душа рождена для свободы! – окрылённый открытием, поучает юноша. – И будучи запертой, она рвётся и, бушуя, вырывается наружу. А вы говорите: раб безволен и на воле – тоже раб.

– И ленится выполнять свою работу, если его не заставляют! – показывает хозяин на угасающую струю воздуха и пламя горна. – Потому что раб делает всё только из-под палки и содохнет с голоду, погибнет без меня! – со злостью закрывает он заслонку. – Пока я не позволю и не заставлю его жить! Для меня! – направляясь к выходу, берётся рабовладелец за ручку двери.

Но не успел он отбросить щеколду, как дверь распахнулась и, охваченный ураганным потоком огня и воздуха хозяин с криком «Ты опять колдуешь?!», едва не выброшенный им наружу, успел, ухватившись за косяк, спрятаться за него от безудержности всесильной стихии.

– Нет. Это срывает оковы своего заточения и наполняет его духом свободы! – жизнерадостно раскрывает юноша свои объятия трепещущему в них ветру.

– Нет! Я здесь владыка и прихлопну каждого, кто вздумает хотя бы мечтать о свободе! – яростно захлопывает рабовладелец дверь и торжествующе смотрит, как всё успокаивается.

– Вы захлопнули не огонь и ветер, а дверь перед ними. И они не стали вашими рабами, а вольно и свободно живут в своей стихии. А ваш дом, как запертая кузница, остался без необходимых для вашей же жизни в ней тепла и свежего воздуха!

– У меня для этого достаточно собственных сил и рабов! – останавливает его хозяин. – И если ты закончил показывать мне своё умение, то я сейчас же продемонстрирую тебе своё! – решительно берётся он за плетё. – Когда у вас то бух, то потух, как тут обойтись без плети и заслонки вашей воли? – угрожающе усмехается рабовладелец.

– И результат будет тот же! В чём вы только что убедились, – разочарованно ставит заслонку на место юноша. – Ветер будет вольно и недоступно для вас гулять на свободе, рабы здесь – подневольно гонять воздух, а вы – невольников, пока дух ветра не взорвётся в их душах, духом свободы.

– Всё! – осекает хозяин вольнодумствующего раба. – Я понял, что нужно сделать!

Раб с наивной юношеской надеждой смотрит на него.

– Высечь и выбить из тебя эту духовную дурь! – сгребает его и расправляет свою плетё рабовладелец.

– Но тогда уж точно ничего не получится! – сокрушается

тот. – А я так хотел, столько души вложил...

– Ну хорошо, выкладывай, пока я её не вытряхнул! – снисходительно повелевает хозяин.

– Я хочу, – едва освободившись, вскрикивает юноша, – чтобы вы поняли, что свобода незаменима, а для вас и полезней рабства!

– Бесполезно... – отмахивается хозяин. – Ничего по-другому ты не сделаешь!

– Уже сделал! – бросается юноша к горну.

– Что? – испуганно осматривается хозяин.

– Я сделал расчёты и дополнительные коридоры, чтобы ветер не насильно загонял воздух, а, свободно гуляя по ним, не подневольно, а радостно помогал нам, – возится юноша с ещё одной заслонкой под очагом с углями. – Мы открываем путь не только для притока, – показывает он на ранее апробируемую ими входную заслонку, – но и для оттока нагнетаемого ветром воздуха.

Открывает он вытяжную заглушку. И поток воздуха, хлынув в пламя горна, вспыхнув, пугает хозяина. Который, оторопело трясясь, смотрит, как юноша, магически манипулируя заслонками, регулирует: снизу – приток, сверху – отток воздуха. И тем самым либо уменьшает, либо увеличивает силу пламени в горне. Даже клубы дыма, обычно застилающие всё помещение, теперь, вырываясь из очага, послушно удаляются прочь.

Хозяин, пятясь, порывается выскочить из кузни. Но, взяв-

шись за ручку двери, теперь уже боится открыть её и вызвать новый взрыв.

– Пойдёмте! – смело распахивает дверь юноша. – Посмотрим, как гуляет ветер.

Хозяин испуганно оглядывается на пламя, которое, при открытии двери едва дрогнув и предостерегающе колыхнувшись в его сторону, послушно успокоилось. Тогда он, юркнув впереди юноши и прячась за него, семенит, причитая: – Надо ж, как ты так можешь! Не только собрать всех духов вместе, но ещё и управлять ими! Да так, чтобы огонь не пожирал воздух, выплёвывая дым, а ветер не терзал их! Они не взорвутся?

– Нет, если общаться с ними с открытой душой, а не с плетью! – открывает юноша дверь в коридор с другой стороны мастерской.

Хозяин, ожидая взрыва, суетится вокруг юноши, чтобы успеть, в случае чего, спрятаться за него. Но воздух не вырывается наружу, а втаскивает его внутрь. Юноша захлопывает след за ними дверь, и они оказываются в тёмном коридоре, наполненном дымом и ветром.

Рабовладелец, старательно ища выход и не найдя его, бросается в ту сторону, откуда дул ветер. Но тут же выскакивает оттуда и, хватаясь за горло, с выпученными глазами истошно кричит, ринувшись в другую сторону, ища в пелене дыма потерянного им юношу. Пробежав по лабиринту коридоров, за поворотом он вдруг выскакивает к резко возвыша-

ющемся выходному проёму воздуховода, где напор исходящего изнутри ветра стихает, дым, высасываемый и увлекаемый наружными потоками ветра, рассеивается в них и улетучивается. В этом водовороте марева и зарева земной и небесной, воздушной и человеческой стихии, с поднятыми, словно крылья, руками, в дымчатом и солнечном ореоле, словно в призрачном оперении, спиной к нему, а лицом к солнцу и вольным потоком воздуха, будто паря в них, и в ошеломлённом взгляде рабовладельцу видится его юный чудодействующий раб.

Хозяин вначале гневно бросается к своему рабу. Но по мере приближения к нему ощущает неподвластность ему необъятности простора впереди и силы ветра, подталкивающей его вперёд. Тогда он, оглянувшись на смрадно дышащее чрево земных сил, украдкой, по стене, как будто к краю пропасти, пробирается к сияющему солнцем выходу и чудодействующему со стихиями юноше. Он даже притрагивается к нему, чтобы убедиться или избавиться от наваждения.

– Как хорошо, светло и легко! – восхищается тот, обернувшись.

– Конечно, после всего пережитого... – оттирает хозяин пот с лица.

– После всех тех трудов, которые мы с ветром совершили. Чтобы угли давали нужный нам жар в кузнице и для печи обжига, а воздух уносил его с дымом. Освобождая людей от беспрестанного качания мехов и работы в поту и гари, к

творчеству полезного и прекрасного!

– При этом даже образуется такая драгоценная для нас вода?! – удивлённо зачерпывает и умывается хозяин водой, собравшейся в каменном углублении.

– Она приносится воздухом из печей, где идёт горячая работа, и оставляется нам на выходе, где воздух опять становится свежим! – радостно встаёт юноша под падающие с потолка капли.

– И это всё всегда само будет работать?! – освежившись, осматривается хозяин. – И тебе не нужно гонять ветер, а мне тебя?

– Конечно! – вспыхивает воодушевлённый юноша. – Ведь ветряные меха круглые. Поэтому, с какой бы стороны ветер ни дул, он, отдавая свой воздух, наполняет им раскрытые к нему забрала и проталкивает его через сужающиеся коридоры и заслонки. А пролетев над мехами, ветер уже через забрала с другой стороны забирает из мехов свой отданный и пробежавший по ним воздух вместе с жарой и дымом. То есть ветер в любом направлении вдувает и забирает воздух, своими мехами прогоняя его через горны и печи.

– А если не будет ветра? – испытующе щурится хозяин.

– Горячий воздух из печи, стремясь освежиться на воле, тянет за собой в печь свежий воздух. Тем самым в мехах и печи и создаётся ветер, который потому и помогает жить нам, что мы помогаем ему! Потому что это – радостный взаимополезный труд, свободный от вражды и рабства стихий!

– Это хорошо... Но плохо для тебя! – усмехнувшись, задумчиво смотрит рабовладелец на своего необычного раба. – Лучше бы ты был духом ветра, как мне сегодня порой казалось. Тогда бы оставил мне на память вот это своё доброе дело и летел восвояси. А со свободомыслящим рабом что нам теперь делать? Не продать, чтобы ты не творил такие же чудеса для других рабовладельцев. Не засечь и не выбить вселившийся в тебя дух свободы, потому что без тебя всё это рухнет. Но и держать вольнодумца, с которым всё это взлетит на воздух, опасно.

– Но я не думаю и не делаю ничего плохого! – озадаченно размышляет юноша. – Только то, что подсказывает мне дух моей души.

– Ты раб, и место твоё здесь. Но ветреный дух тянет тебя ввысь. И вот на краю этой пропасти твоя рабская душа мечется: кем ей быть и как ей жить. Поэтому, – вместе с каплями воды стряхивая с себя добродетель, сурово глядит на него рабовладелец, – всё расставим по своим местам: раба в стойло, душу вот сюда! – сжимает он свой кулак. – А ветер? Пусть себе летает. И всё будет хорошо, а главное – на пользу. Мне! – смеётся хозяин. – И тебе тоже, – хлопает он юношу по плечу, – в радость! Только не свались от неё в пропасть своеволия.

Юноша, к радости рабов, освободившихся от трудоёмкого нагнетания мехами воздуха в кузнечный горн и печь обжига керамики, теперь занимается контролем и налаживанием ра-

боты ветряных мехов. Но выход за пределы производственного комплекса ему запрещён, и он, мастера из высушенных растительных листьев, оперённых настоящими перьями, модели птиц, изучает их летательные свойства в аэродинамической трубе коридора. А затем выпускает их из выходного воздушного проёма, радостно наблюдая, как они взмывают в восходящих потоках выходящего из мехов воздуха.

Но ему не доводится видеть дальнейшей судьбы его рукотворных птиц, которые, воспаряя в потоках воздуха, вместе с ними срываются в пропасть. Однако часть птиц, подхваченная поднимающимися из пропасти струями воздуха, снова взлетает над плато. А здесь, где восходящие из пропасти ветра сталкиваются с дующими над плоскогорьем, птицы, бессильно кувыркаясь, падают вниз. Прямо во внутренний дворик усадьбы, под ноги удивлённо разглядывающей их девушки.

Она, проследовав взглядом за полётом птиц, видит, как они подлетают, падают в ущелье. А затем они взмывают оттуда и попадают к ней, но уже не живыми, а подобиями птиц, потрясающими её воображение тем, что их ни собрать из тлена, ни взять в руки невозможно. И девушка, отчаянно вскрикивая, перебегает по палисаднику вслед за падающими и разбивающимися птицами.

Этот шум привлекает внимание рабовладельца, проходящего мимо в сопровождении взволнованных обитателей.

– Это духи ущелья смерти! – кричат они.

– Отец, это духи птиц, падающих в ущелье! – трепетно показывает ему девушка бестелесные оболочки и крылья загадочных птиц.

– Это не птицы и не духи! А колдовство чьего-то духа! – возвещает он. – Пойдёмте к Птаху! Он общается с духами воздуха! – призывают окружающие. – Может, он что-нибудь знает? – направляются они к мастерским.

Пугливо вглядываясь в небо, оглядываясь на пропасть и обсуждая происходящее, толпа рабов и надсмотрщиков во главе с рабовладельцем вваливается в мастерскую, где юноша, регулируя заслонками тягу воздуха в воздуховодах, таинственно регулирует силу пламени и жара в горне.

– Птах! Из пропасти к нам прилетают и падают таинственные птицы! – обращаются пришедшие к нему. – Ты не знаешь? Ты должен знать, что это такое! – показывают они ему останки неведомых птиц.

Птах поражён происходящим не менее пришедших к нему. Но, не обращая внимания на них, он впирается взглядом и проходит к дочери хозяина. Она, наслышанная об одержимости рода и чудесных способностях юноши, исподволь разглядывает его. Когда он протягивает руку к выглядывающей из-под её рук птице, девушка вздрагивает. А птица выпархивает и кружится над ними, смотрящими друг на друга с оторопелостью, переходящей в очарованность.

– Ах!!! – вскрикивают все присутствующие, поражённые увиденным чудом.

– Он колдун, управляющий жизнью! – бросаются прочь надзиратели.

– Он повелитель духов! И вселит в нас дух свободы! – падают перед ним рабы на колени.

– Одни повелевают духами, другие поклоняются им. А я – владетель рабов, ваших душ и духов! – озираясь, приходит в себя рабовладелец. – Потому главное – чтобы рабы не оперялись, их души не окрылялись, а свободомыслие не вылуплялось! Для этого всех вас нужно держать на привязи и в клетках. Пошли, Эя! – Он берёт дочь за руку и, распахивая рабов, пытается поймать или выгнать прочь голубку. Но та, взлетев на шест под крышей, лишь воркуя, глядит на эту суетолюку.

Произошедшее событие ничего не изменило и не имело практического значения в жизни поселения, но оно стало знаменательным явлением того и тех сил, которые своим появлением изменили у жителей посёлка взгляды, надежды и тревоги, направленные не только в небесную высь и глубь пропасти, но и друг на друга и в себя.

На следующее утро рабовладелец, разыскивая дочь, входит в палисадник. Здесь его дочь задумчиво перебирает невесомые оперения и крылья вчерашних птиц.

– Это что за хандра? – подходит к ней отец. – Гони от себя этот дух вольнодумства! От него только ветер в голове, пропасть в душе и слёзы во взгляде в будущее! – сгребает он в сторону её рукоделие. – Тешься своими, а не небесными

птицами! – подходит он к клетке, которая оказывается пустой. – Я же посылал за твоей голубкой! Не принесли?

– А она улетела... – грустно отвечает девушка. – Не сидится ей в моей клетке. Любовь и воля! Что дороже? – Её глаза наполняются слезами.

– Ещё наловим! Не печалься, – поглаживает он её по волосам.

– Это опять будет неволя для них и рабство для меня... – безутешно вздыхает дочь.

– Для этого и есть моя любовь и воля! – взрывается отец. – Чтобы ты не становилась рабыней чьей-то свободы. И Птах пусть правит духами ветров, а не людей! – сердито направляется он на выход.

А дочь продолжает отрешённо перебирать разбившиеся части птиц. Пока не собирает одну целиком и, оглядываясь, куда бы её пристроить, машинально не помещает её в клетку и закрывает дверцу, мечтательно любуясь птицей и собой.

– Ой! – вдруг спохватывается девушка. – Что же я делаю? – Эя срывает запоры и достаёт птицу. – Я рабыня своей любви! А он и они – невольники! – Выбегает она из усадьбы.

Прибежав в мастерскую, она, тревожно озираясь, не находит Птаха. Но вдруг слышит знакомое воркование и видит свою голубку, которая, выглянув из подвешенной наверху корзины, обрадованно слетает к гостье. Девушка страстно ласкает и ласкается со своей любимой подругой. Однако, как только она вышла из мастерской, голубка встревожен-

но забилась в её объятиях, а освободившись, улетает прочь. Эя огорчённо и даже сердито возвращается за ней в мастерскую. Но при взгляде в корзину, где голубка, оказывается, уже не одна, а в паре с голубем самодовольно обустривает своё гнездо, ей становится понятно стремление птицы из её благоустроенной клетки к своему гнезду. Но почему под крышей этого, а не её дома? – опять вызывает эгоизм девушки. – Ах, да! Мне самой здесь свободней и радостней, чем под крышей того дома... И где же тот, кто свил это гнездо? – признавшись сама себе в цели своего визита, продолжает она поиски Птаха.

Обходя помещения, на свой вопросительный взгляд девушка слышит:

– Ты ищешь свою птицу, которую он оживил, или душу? Они в безопасности, где он собирает волю ветра, чтобы вдохнуть в наши души и сделать их вольными, – сокровенно шепчут ей работающие рабы, показывая взглядами на заветную дверь. – Он колдует с духами ветров, чтобы унести наши души. Не ходи туда, а то и твоя душа станет ветреной! – предостерегают надзиратели, преграждая путь к двери, вибрирующей от перепадов давления и гула, царящего за ней.

Девушка во внезапно охватившей её нерешительности переминается. Но затем (по-хозяйски, как отмечают надзиратели) решительно открывает дверь.

Здесь, в потоках ветра и дыма, в сумерках коридора, наполненного страхами и неведомостью пути, ей панически хо-

чется броситься обратно к двери. Но потоки ветра, увлекая за собой, не дают даже оглянуться назад, а мерцающие впереди блики света призывно манят к себе. И девушка безоглядно бросается к нему.

За изгибом коридора, где радостно усиливается сердцебиение Эи, открывается сияющий светом входной проём. Девушку здесь ждёт очередное потрясение, и сердце едва не разрывается от страха при виде мечущихся в проёме и несущихся навстречу ей птиц.

Эя в ужасе поворачивается бежать обратно, но ветер закручивает её, а в темноте коридора, из которой она вышла, таинственно колышется призрачная тень. Она, обомлев, прижимается к стене, закрывает глаза и ожидает гибели или того, что они всё-таки пролетят мимо. А когда осторожно открывает их, то видит, что птицы, паря во встречных потоках воздуха, продолжают грозно рыскать из стороны в сторону и высматривать жертву. Девушка опасливо оглядывается в темноту и вглядывается в птиц, думая, как ей выбраться отсюда. Как вдруг в проём снаружи влетает её голубка. И, преодолевая себя и страхи в порыве спасения подруги, Эя бросается к выходу, пригнувшись и проскальзывая вдоль стены, мимо птичьей стаи, спотыкаясь о камни и цепляясь ногами за путающиеся по полу верёвки. От всего этого несколько птиц, задевая её крыльями во мраке, разворачиваясь, улетають прочь, что придаёт девушке новые силы, с которыми она спасительно хватает безмятежно пьющую воду

голубку и прижимает её к себе. В это время к ним подлетает разыскивающий свою голубку голубь. Эя и ему протягивает свою руку. Сердце её сжимается от умиления, но едва не каменеет, когда при порыве ветра она покачнулась на краю выступа, а сильные руки сзади за плечи подхватывают её.

– Ах! – оглядываясь, вскрикивает Эя и, узнав Птаха, обес-
силенно роняет голову ему на плечо.

– Как же ты решилась и что здесь делаешь? – спрашивает он её.

– Мне нужно было... Я... Я пришла сюда за своей голубкой, – растерянно оправдывается Эя. – Но у тебя здесь так страшно...

– А ей нравится здесь, где свободно и безопасно от засилья людей и коршунов, под защитой этих стен, духов, ветров и птиц.

– Они меня так испугали... – опасливо поглядывает девушка из-за его плеча на птиц. – Но я их тоже распугала! – горделиво приободряется она.

– Они совсем не страшные, даже летать не умеют. И я их держу на привязи, чтобы учились! – отшучивается Птах, увлекая её к птицам.

– Так вот вы откуда и чьи посланники! – удивляется Эя, разглядев птиц. – Тогда я отпускаю их на волю! – обрывает она удерживающие птиц шнуры.

– Тыпустила их на волю ветров, где они безвольны летать, – грустно поясняет Птах.

– Значит, прав отец, что свободы не бывает даже в небе. И они обречены всё время быть на привязи? – сокрушается девушка.

– Да, чтобы летать и быть свободным, нужно иметь не только крылья, но также дух и волю, – констатирует он.

– И этим они привязаны к тебе?

– Этим я привязан к земле и собираю свой дух и волю, чтобы летать. А чтобы научиться летать, я на этих рукотворных птицах изучаю, как они летают в стихии ветров.

– Я тоже хочу летать! – вдруг оживляется Эя. – Ты научишь меня? – с повелительной мольбой заглядывает она ему в глаза.

– Зачем? – удивлённо смотрит на неё Птах. – Тебе и здесь хорошо, и ты свободна.

– В этой клетке? – распростёрши руки, возмущённо вскрикивает она. И голубка вылетает из её рук. – Отсюда даже птицы рвутся! Даже в пропасть! – вырывается наружу её негодование. А голубка, пролетев круг, садится ей на плечо. И не может оторваться. – Ведь ты привязана ко мне, как и я к своему отцу и дому... – печально заключает она.

– Вот и хорошо. Спокойней тебе и отцу, что не унесут ветра жизни и не разобьёшься, – смеётся, успокаивая её, юноша.

– А я всё-таки хочу, пусть здесь, не отрываясь от своих привязанностей, но летать с голубкой... И с тобой! – мечтательно расправляет она руки, задевая ими и беря руку Птаха.

Утром следующего дня, собираясь на плантации, рабовла-

делец спрашивает свою дочь:

– Ты где вчера была весь день?

– Ходила за голубкой! – отвечает Эя.

– А она сейчас мечется в клетке – того и гляди разнесёт её, – ворчливо замечает он. – Догуляетесь! – грозно потряхивает он плетью.

Девушка торопливо бежит к клетке и, успокаивая птицу, перебирает части рукодельных крыльев, кружась и взмахивая ими. Взгляд её при этом становится мечтательным, но грустным. И девушка, усмотрев или почувствовав родственные порывы своей души с голубкой, со словами: «Не будем в одиночестве вдвоём. Не улетим, так хотя бы летаем!» достаёт птицу из клетки.

Голубка с восторгом нежится в объятиях танцующей девушки. Но когда обе утешили свою страсть и девушка остановилась, осматриваясь, чем бы им ещё заняться, птица выпархивает из её рук и, сделав круг, улетаёт, скрываясь за оградой по направлению к мастерской. Девушка вначале расстроилась, но тут же, затаённо улыбнувшись, засобиралась и побежала в том же направлении.

В мастерской Эя идёт напрямик к гнезду своей голубки и, поприветствовав воркующую там любовную пару, забирает её у голубя к себе. Далее она, кокетливо пританцовывая и напевая, направляется мимо добродушно улыбающихся ремесленников-рабов и обескураженных надзирателей к двери в коридор ветров.

Здесь она со словами: «Взлетаем?!» отпускает уверенно понёсшуюся по ветру на выход голубку, а сама, кружась в воздушных вихрях, устремляется навстречу солнечному свету.

Приблизившись к выходу, она, однако, озадачена тем, что в квадрате проёма резвятся в потоках воздуха только голубка с уже ожидавшим её здесь голубем. Птах отсутствует, а самодельные птицы сложены на землю. Самая же огромная из них не только привязана, но ещё и придавлена камнями. Эе вначале стало грустно. Но, ещё раз взглянув на играющих и призывно воркующих голубей, она сама, задорно вскрикнув: «Мы и сами поиграем!», берётся запускать птиц.

Она запускает парить несколько птиц и, кружась среди них, в своих мечтах летает вместе с ними. Огромная птица страшит и мешает под ногами. Тогда Эя, вначале случайно сдвинув камни, прижимающие одно крыло, которое начало хлопать по земле, освободила и второе. Птица, натужно подрагивая крыльями и натягивая привязанную к ней верёвку, на глазах обрадованной и зачарованной Эи начинает взлетать. Но своими могучими крыльями птица расталкивает остальных пташек и может повредить их.

Тогда Эя, опасаясь за них, смекнула и с замечанием:

«Не обижай маленьких! Будешь летать отдельно!» приотпускает верёвку, удерживающую птицу.

Но с увеличением длины верёвки и продвижением птицы ближе к выходу увеличивается и размах метаний огромной

птицы по сторонам, с опасностью повредить себе крылья о стены коридора. И девушка, испугавшись за неё («Прекрати беситься! Я вот тебя!»), начинает укорачивать верёвку, подтягивая и стремясь намотать на удерживающий её крюк, чтобы посадить птицу на место. Но это оказывается ей не под силу.

Тогда, испугавшись и рассердившись («Какая ты свое нравная! Но летать всё равно будешь, как я хочу!»), Эя, опять призадумавшись, бросается к крюку.

– Ладно, я отпущу тебя ещё подальше! – Она начинает развязывать узел, но видит, что верёвка уже заканчивается. Опять напряжённо оглядываясь, она с облегчением замечает большой моток шнура из бараньих жил – видимо, приготовленный Птахом для замены перетирающихся верёвок. – Будешь резвиться у входа и охранять нас! – связав концы верёвки и шнура, развязывает Эя узел на крюке.

Птица, вздрогнув от напряжения, на вираже устремляется навстречу свободе, мощью своих крыльев захватывая всю силу ветра, света и воображения Эи, душа которой, кажется, вместе с птицей вырывается из неё на волю. От этого девушка разрывается между устремляющейся в небеса птицей и земной неразрывной привязью. А от восхищения полётом своей души и птицы, ощущения действия этих сил уже не хватало воздуха в груди, чтобы сдерживать их в себе. Тогда она, кажется, вторя возгласу удивления всех стихий и окру- ги, с нестерпимым криком разрывая опостылевшие и удуш-

ющие узы, обуздывающие свободу её души, вдохновенно отпускает её на волю.

Птах в это время занимается конструированием птичьего оперения. Как вдруг, востепенувшись от донёсшегося до него крика Эи и эхом вторивших ему возгласов в округе, тревожась, выбегает в коридор и несётся к выходу. Здесь он с ужасом видит, как шнур бешено разматывается вслед за вырвавшейся за пределы строения и взмывающей ввысь птицей. Но при этом он обвивает и сдавливают уже бесчувственное тело Эи.

Птах, прежде всего напрягая силы, удерживает шнур и крепит его за крюк. Затем он высвобождает из его петель тело девушки и приводит её в чувство.

– Ах, дорогой! – увидев Птаха, обвивает она его руками. – Как мы летали! Душа моя до сих пор ещё там, на небесах! – Она встаёт и, покачиваясь, подходит к выходу, шурясь от солнца и ища взглядом птицу. Птах бросается к ней, поддерживает на краю уступа, и они, обнявшись, смотрят, как в ослепительных лучах солнца и потоках ветра высоко над плато парит огромная птица.

– Она летает! – восхищённо любит Эя птицей и Птахом. – Ты сделал это!

– Я пока сделал лишь птицу.

– А я отпустила её летать в потоки ветра!

– Но, как я уже убедился на малых птицах в коридоре, если её отпустить, она не сможет летать. Потому что летать не

может. И разобьётся, – поясняет юноша. – Ведь в ней нет души и духа. И летает она под действием сил ветра, управляемая нашей волей и вот этой верёвкой. – Он берётся за шнур, натягивая и отводя его в стороны, отчего птица послушно изменяет направление своего полёта.

– А зачем ты сделал такую огромную птицу? – пытается, но не может управлять ею Эя.

– После изучения полётов на малых моделях я увеличил её размеры до своих, чтобы понять, а затем и самому познать, как летают птицы и может ли летать человек, – размышляя вслух, объясняет ей Птах.

– И ты сам собираешься так же летать? – восхищённо глядит она на своего друга. Но вдруг встревоженно заглядывает ему в глаза: – И улетишь от меня? Не отпущу! Привяжу тебя на привязь! – безуспешно дёргает она за шнур. – Нет! Я привяжу тебя вот так! – Приблизив, она обматывает его шею своими волосами и, завязывая их в узел у него на затылке, сливается с ним в поцелуе.

При этом, опираясь на натянутый шнур, они оттянули его и изменили направление полёта птицы, которая теперь начала пикировать вниз.

– Ах! – И они бы свалились с выступа, если бы Птах, одной рукой удерживая Эю, другой не ухватился за шнур, который под их тяжестью провис и продолжал опускаться с ними до самой земли.

– Ох! Какой счастливый полёт! – млеет Эя. Целует, обни-

мает Птаха и восторженно размахивает ногами, словно пляшет от удовольствия.

– Я уже уяснил, что в любом полёте трудно взлететь, но гораздо счастливей – приземлиться! – втолковывает он ей. – А пока не свались, и держись крепче за шнур!

– Нет! Я буду держаться за тебя! А ты, как птица, уноси меня в небеса в своих объятиях! – ещё теснее прижимается Эя к Птаху.

Но тут птица попадает в потоки воздуха, которые резко возносят её кверху, отчего шнур, натягиваясь, поднимает ввысь и едва не сбрасывает молодых людей. От этого руки Эи разжимаются. И Птах, неимоверным усилием обведя шнур вокруг своей груди, свободными теперь руками подхватывает и, прижимая к себе, удерживает девушку. А она, почувствовав безопасность в его крепких объятиях, опять трепещет:

– Теперь точно меня похищает гигантская птица!

А птица в небе, вернувшись на свою прежнюю высоту и натянув шнур, плавно возвращает молодых людей на их прежнее место на уступе.

– Вот и приземлились! – облегчённо вздыхает юноша. – Ты счастлива? Не сожалеешь, что связалась со мной?

– Я счастлива, что так крепко привязалась к тебе! – со слезами спасения и нежности отвечает она ему.

Когда, романтически кружась и напевая, Эя вернулась домой, её встретил разгневанный отец.

– Ты где была? – спрашивает он дочь.

– Навещала голубку, – потупив насмешливые глаза, отвечает она.

– И где же она? Почему ты не забрала её домой? – ещё больше сердится отец.

– Потому что она опять улетит туда! – ещё более просто-душно улыбаясь, опускает голову дочь.

– Я знаю почему! – вскипает отец. – Потому что она и ты уже вьёте себе там гнёзда! – кричит он. – И производите на свет пока ещё бумажных птенцов!

– Но... – пытается оправдаться девушка.

– Но я уже забрал оттуда и подвязал в клетке твою голубку. А если завтра, уезжая на охоту и вернувшись, я узнаю, что вы опять были там, то привяжу за косу и тебя! – Он грозно берёт её за волосы.

– Уже привязалась, папа!.. – подобострастно, кусая от смеха кулачки, заверяет его дочь.

* * *

На следующее утро, со слезами на глазах прижимая к груди голубку, в сопровождении преданно выющего над ними голубя, Эя вбегает в мастерскую.

– Птах, милый! – плача навзрыд, бросается она к юноше. – Она погибает! Я умру...

– Не плачь! Что случилось? – успокаивает он её, беря и

разворачивая тряпицу с голубкой.

– Отец вчера, чтобы она не летала, подвязал ей перья на крыльях, да ещё и привязал голубку к клетке! А когда прилетел голубь, она, наверное, рвалась к нему. И утром я нашла её всю израненную и полуживую! – поясняет Эя, показывая рваные раны на груди птицы.

– И что же нам делать? – вслух размышляет Птах, поочерёдно поглядывая на пораненную птицу и исстрадавшуюся от горя её и его подругу.

– Вдохни в неё душу! – умоляюще глядит на него Эя.

– А ведь действительно, раны птицы не настолько губительны! Разбиты только её крылья и душа, – продолжает Птах осматривать голубку. – И мы должны вернуть её к полётам! А следовательно, к жизни. Ведь это и есть то, что делает их птицами, – жизнь в полёте! – вдохновенно осознаёт он.

– А если она не может летать! Значит, умрёт? – сокрушается Эя. – А я так люблю её!

– А что? Это очень верно и, возможно, жизненно важно – вкладывать свою любовь и душу в жизнь любимого! – провозглашает и призывает Птах. – И если она станет летать, живя этой любовью, то мы будем жить, летая на крыльях любви! – Осматривая кровлю крыши, ищет он пробивающийся через неё солнечный луч и пододвигает птицу к тому месту на столе, куда падает этот луч, позволяя лучше разглядеть раны.

– Птах, что ты делаешь? – вдруг тревожно вскрикивает девушка. – Ты ещё больше терзаешь её! – Своими руками обхватывает она его руки, раздвигающие раны на птице. – Разве, помогая выживать, можно делать ей больно?

– Сейчас, чтобы оживить птицу, нужно понять и докопаться, где теплится её жизнь, – объясняет ей Птах. – А если хочешь помочь ей, то вначале помоги мне. Сбегай к выходному проёму и принеси воды, – отправляет он её с кувшином. – А я пока что-нибудь придумаю, чтобы усилить освещение и лучше рассмотреть внутреннее устройство птицы. – Он неудовлетворённо посматривает на солнечный луч и начинает перебирать мешочки с отполированными и подготовленными для изготовления украшений камнями-самоцветами.

Из различных камней он выбирает выпуклые, подходящие для задуманной им цели. И через просверленные по их краям отверстия продевает нитки с узелками, на которых гирляндой, один над другим, развешиваются и удерживаются камни, – чтобы свет, проходя через верхний камень, фокусировался на верхней выпуклости нижнего. И так далее, от камня к камню всё более усиливая и концентрируя силу света.

И когда Эя возвращается в мастерскую, то замирает, попав в радужный мир многоцветного сияния, исходящего от преломления и излучения подвешенной по направлению луча и пронизываемой им гирлянды камней.

– Теперь, когда я собрал и усилил яркость солнечного луча, мне стало видно многое из того, чего я раньше не мог увидеть! – отмечает Птах, рассматривая внутренности птицы.

Эя подаёт ему кувшин с водой, заморозив взглядом, как в лучах пронизывающего их света пульсируют кровь и мышцы птицы. Но когда он начал поливать водой оголённые разрывы и внутренние ткани птицы, опять встревоженно запротестовала:

– Она ведь грязная!

– Эта вода получилась из воздуха, который прошёл через очищающий его огонь. А пепел, который ты называешь грязью, – это дерево и металл, прошедшие через огонь, который выжег из них духов и всё сущее, чтобы оставшуюся, чистую сущность заполнить своей огненной, неугасимой жизненной силой! – препарируя птицу, поясняет ей юноша.

– Так вот почему, колдуя с духами природы, ты лечишь людей! – делает Эя открытие для себя.

– Я, изучая природу, употребляю её возможности для поддержания человеческих сил, – уточняет он и демонстрирует ей: – Вот, посмотри, как при попадании этой живительной воды не только погибает, но и оживает плоть, у которой нарушено её кровяное жизнеобеспечение и нет уже жизненных сил.

Эя потрясённо, заморозив взглядом, не дыша и задыхаясь от восторга, смотрит на происходящее.

– А теперь, пока вода и солнечный свет произведут своё животворящее действие, смотри на то, чего мы раньше не знали! – возбуждённо показывает ей Птах. – Луч солнца пронизывает гирлянду камней, которые усиливают и концентрируют силу его света. Но оказывается, своими гранями они ещё взаимопреломляют и разлагают свет! И если изменять углы поворота и граней камней, то можно регулировать и подбирать нужный нам цвет луча, каждый из которых по-своему влияет и воспринимается плотью. Причём разные виды плоти по-разному реагируют на разные цвета света! Самое сильное воздействие, кажется, оказывает красный цвет. Мышцы, даже с оборванными кровяными каналами, набухают. Они, наверное, думают, что это поступает кровь. И даже при её недостатке, но от ощущения красного света, они не только не погибают, но и работают, поддерживая жизнь организма. А ну-ка попробуем синий, – меняет Птах местами камни в гирлянде. – Эх, к нему примешивается зелёный. Но смотри, как сразу же останавливается кровотечение! А ты говоришь «колдовство»! Это чудо! – добродушно отвечает он Эе на проявление её восхищения. – А если зелёный с синим и посветлее, то гляди! Как ровно стала дышать птица! Причём свет совсем не попадает на её дыхательные органы.

– Птах... – вдруг с трепетным страхом глядит Эя на него, птицу и разноцветную гирлянду. – Я боюсь...

– Чего, голубка? – не отвлекаясь от своих дел, произвольно ласкательно отвечает Птах.

– Мне страшно оттого, как духи воздуха, воды и света в твоих руках и твоими руками творят чудеса. И не только с птицами. А я чувствую, как и со мной! И со всеми, кого ты просвещаешь и одухотворяешь силами своего света и ветра.

Птах, отвлѣкшись от своих занятий и мыслей, более внимательно смотрит на неё. Затем он встаёт и направляется к ней, проходя через потоки света, излучаемого гранями камней. До этого лучи были почти невидимы и лишь слегка разноцветно колыхались в волнообразных движениях воздуха. А теперь, по мере того как Птах проходит через них, они поочерѣдно расцветивают его всеми цветами радуги. И он то проходит через полосы различных цветов, то словно разделяется и составляется из разноцветных, переходящих друг в друга, составляющих гаммы цветов. Словно превращается в призрачный дух, волнообразно колышущийся в разноцветно-призрачном пространстве.

От увиденного душа и тело Эи ещё более содрогаются. А когда Птах, подойдя вплотную, обнимает девушку за плечи и приближает к ней свою разноцветную голову, то она готова упасть без чувств. Но он с её места и положения глядит по направлению лучей, падающих на неё с граней гирлянды:

– Надо же, разве цвет света может быть серым? И как так угнетающе он может воздействовать на организм? – проворчав про себя, перемещает он девушку через радугу цветов в место, где нет вообще никакого цвета. – Постой-ка здесь, где свет без цвета.

А сам бросается к птице и, проверяя свою догадку, наводит ей в глаз луч синего цвета. И до этого трепыхавшаяся на столе от страха и боли голубка перестаёт биться, успокаивается. И даже оголённые в местах ранений её жилы и мышцы расслабляются.

– Так и есть! – констатирует он. – При попадании цвета на плоть она произвольно реагирует на него. А при попадании цвета со светом через глаза он так же воздействует, но уже на всё тело и душу! – И Птах опять внимательно смотрит на Эю. Как выражение её лица и взгляда изменяются по мере наполнения солнечным светом и золотистым цветом, переходя в состояние спокойного, возвышенно-одухотворённого созерцания происходящего!

– Теперь ты лучше и спокойнее чувствуешь себя? – спрашивает её Птах.

– Страх прошёл. И я начинаю понимать, что чувствую не только передающуюся мне боль птицы, но и то, что под твоим воздействием это её страдание вызовет к жизни и окружающие нас жизнеспасительные силы, – рассудительно глядит и рассуждает Эя.

– О, да ты перемещаешься из синего в голубой цвет и захватываешь зелёный! – отмечает Птах происходящие с ней перемещения, изменения цветов и умозаключений девушки.

Он вскакивает, чтобы ещё раз, с её места, убедиться в зависимости происходящих с ней изменений от силы и цвета светового луча:

– Чтобы лучше понять тебя и воздействия природы, я хочу вместе с тобой ощутить потоки и приливы этих сил.

– Ах, какой ты! – смеётся девушка. – Хочешь ещё одно, уже моё наблюдение? Так вот, при твоём перемещении среди сил природы они воздействуют на тебя, изменяя твои ощущения и настроение.

– Ну понятно... – соглашается юноша.

– А ты, своими мыслями или приближаясь, а в особенности обнимая, воздействуешь на меня.

– И какой же вывод для изучения природы? – не может он понять её.

– Что чувства и ощущения каждого из нас – это лишь половина того, что есть на самом деле. Как два камушка этой чудесной гирлянды, просвечивающей и расцветивающей всё. И что мы должны изучать и ощущать всё вместе! – разъясняет она ему. – А ещё... Ты, конечно же, не видишь того, что, наверное, вобрав в себя энергию всех этих многоцветных лучей, сам ты кроме мыслей начинаешь излучать ещё и свет.

– Да? – оглядываясь, вертится Птах по сторонам. При этом видит, как меняются цветовые тона вокруг него. И как под их воздействием по-разному меняются оттенки и активизируются реакции голубки и Эи, находящихся в разных лучах света и цвета.

– Потому что от твоей головы исходит жёлтое сияние, просветляющее истиной зрелости мой взгляд на происходящее

через призму жизнерадостности, – рассказывает ему Эя о своих ощущениях. – Или смотри, что происходит с голубкой, где красный свет активизирует её жизненные силы. А твоё солнечно-золотое излучение наполняет её тельце и всё окружающее жизненной энергией.

– Ты так смотришь на меня... – произносит Птах, смущаясь от её слов и взгляда, становящегося, как кристалл, лучезарным.

– А ты посмотри на голубку! Как оживает она, вбирая энергию света и силы твоей души, чтобы, преломив их в своей, излучать своим взглядом любовь. И природа этой жизненной любви мне по-женски очень близка и понятна, – сокровенно признаётся Эя в нахлынувших чувствах.

– И ты тоже чувствуешь это? – окрылённый открытием, взбудораживается Птах.

– А ты как думаешь? – вопросительно глядит она на него.

– Ну, вот как ты говоришь! – испытующе смотрит он ей в глаза.

– Как тебе не стыдно? – взрывается Эя. – Ты тоже чувствовал это и молчал? Бесчувственный чурбан, эгоист! Ты выжидал, чтобы я, девушка, первая призналась тебе?

– Ну да... Чтобы ты ни подумала, что я сумасшедший... – извинительно оправдывается Птах.

– Так, значит, я сумасшедшая, что полюбила этого грифона! Ему нужно связать крылья, а я привязываюсь к нему всей душой! Которую он вознесёт до небес, а затем бросит в

пропасть! – неистово продолжает Эя изливать свои чувства.

– Эя! Что с тобой? – с чувством откликается он. – Ах, ведь ты переместилась в луч розового света! И, наверное, поэтому эмоции переполняют тебя. Что я вижу, как жёлтые блики моих душевных порывов не отсвечивают, а словно языками пламени, разжигают красные – плотские – составляющие твоего состояния, – искренне непредвзято излагает он свои мысли. – Попробуй встать в полосу другого цвета.

– Вот сюда! – переступает и, опробуя на ощущения руками, глазами, губами и даже на язык воздействия различных цветов, становится Эя в область пурпурного света. – Вот здесь мне хорошо! Словно в лучах моей любви и твоей силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.